
Р.Г. МУРАДОВ

ШАХИ-ЗИНДА: ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ЖИЗНЬ СВЯТЫНИ

Старейшая святыня Самарканда – Шахи-Зинда – это маленький конгломерат объектов классической исламской архитектуры. Но ни один комплекс памятников во всем центральноазиатском регионе и сопредельных странах не удостоивался такого научного интереса и не получил такой богатой литературы. Статья посвящена разбору новой книги Н.Б. Немцевой об этом уникальном объекте. Рассматриваемая монография стала итогом нескольких десятилетий археолого-архитектурных исследований, проведенных автором, и воссоздает всеобъемлющую биографию памятника. Шахи-Зинда впервые предстает как сложное многогранное явление в средневековой культуре Центральной Азии, показанной на фоне истории региона, политических и социально-экономических перемен. Н.Б. Немцева внимательно проследила этапы развития конструкций, объемно-пространственных форм, декора, а также многие другие стороны духовной и материальной культуры Мавераннахра и соседних исторических областей на протяжении последнего тысячелетия. Она выявила несколько историко-культурных и хронологических этапов функционирования комплекса Шахи-Зинда, главные из которых приходятся на эпоху правления Караханидов (XI-XII вв.) и Тимуридов (XIV-XV вв.), когда Самарканд дважды обретал столичный статус. Это были периоды наиболее активной строительной деятельности в ансамбле, связанные с государственной и социально-экономической стабильностью двух империй.

Ключевые слова: Самарканд, Н.Б. Немцева, святыня, машад, медресе, караханидская архитектура, тимуридская архитектура.

ПОМПЕЗНОСТЬ имперского стиля гипертрофированных сооружений, выражающих политические амбиции и магию величия правителя – вот, пожалуй, самая характерная черта архитектуры Тимура. Как уже отмечалось многими исследователями, его стремление к колоссальному питалось особенностями монгольского натиска: «нарушилась умеренная и ясная гармония, основанная на органичности и равновесии всех компонентов композиции. Следующее после Тимура поколение смягчило крайности и вернулось к соразмерности пропорций» (Моцатти 2012: 189). Но еще и при жизни великого завоевателя кроме гигантских дворцов, мечетей и пафосных мавзолеев строились также усыпальницы традиционного типа, чьим отличительным признаком являются благородная простота форм и изысканный вкус в использовании цвета. Они были сравнительно небольшими и предназначались для ближнего круга Тимура. Их лучшие образцы сохранились в некрополе Шахи-Зинда – самой знаменитой святыне Самарканда, которая только косвенно связана с Тимуром. Её известными покровителями были, по большей части, тимуридские принцессы, жены и сестры правителя,

которые построили свои собственные семейные гробницы вокруг машада Кусамы ибн Аббаса, кузена пророка Мухаммеда. Только в наземной части этого некрополя сохранилось более двадцати мавзолеев и мечетей разного времени. Благодаря археологическим работам установлено, что всего здесь было около пятидесяти построек подобного типа.

Порталы мавзолеев Шахи-Зинды производят неизгладимое впечатление великолепием и разнообразием декоративного убранства, пёстрым репертуаром искусных и несомненно дорогих техник. Расписная майоликовая плитка, резная глазурованная терракота, наборы тонкой кашинной мозаики сочетаются здесь с вплетенной в причудливые растительные и геометрические узоры изысканной каллиграфией арабских и персидских надписей, в которых рядом с кораническими текстами часто встречаются эгегические стихи. Драгоценное убранство каждого мавзолея отличается неповторимой индивидуальностью. Входные фасады мавзолеев представляют собой наглядные образцы имперской декоративности, а не рассчитанные на обозрение стены оставлены в кирпичной кладке со скромными пластическими

деталюми, типичными для архитектуры домонгольского периода. Это свидетельствует о том, что «старый стиль» не был забыт окончательно, но как бы задвинут в угол (*Chmel'nizkij* 2000: 422).

Шахи-Зинда, словно мост, перекинутый из домонгольского Афрасиаба к тимуридскому Самарканду, соединяет разные эпохи истории этого города. Этот отрезок длиной всего около 200 метров на южном склоне легендарного городища содержит такой необъятный археологический и архитектурный материал, что едва ли его может вместить одна книга. Тем не менее, такая книга есть. Она представляет собой итог нескольких десятилетий упорного труда Нины Борисовны Немцевой и её коллег археологов и архитекторов. И это седьмая книга, посвященная крупнейшему архитектурному ансамблю всего региона. Она подготовлена в рамках международного проекта «История архитектуры Центральной Азии», инициированного МИЦАИ¹.

Первой была коллективная монография под редакцией П.Ш. Захидова, изданная в качестве второго выпуска сборника «Зодчество Узбекистана» (*Захидов* 1970). В ней, в частности, опубликована большая статья Н.Б. Немцевой, обобщающая результаты первого десятилетия её раскопок на Шахи-Зинде. История этого ансамбля и историческая топография юга Афрасиаба стали темой её кандидатской диссертации, защищенной в 1972 г. Затем появился монографический историко-архитектурный очерк, который она написала совместно с архитектором Юдифь Зеликовной Шваб – две эти женщины долгие годы вместе изучали Шахи-Зинду (*Немцева, Шваб* 1979). Через 12 лет в Гарвардском университете была защищена еще одна диссертация с несколько поэтизированным названием: «По ту сторону архитектуры смерти: святыня Шахи-Зинда в Самарканде» (*Marefat* 1991). Её автор – Ройя Марефат, аспирантка Олега Грабара и Ренаты Холод, начала с обзора истории города, сосредоточила внимание на святыне Шахи-Зинда, объединив археологические свидетельства (её, в частности, консультировала Н.Б. Немцева) и первоисточники с эпиграфическим содержанием зданий. Эта диссертация, хотя так и не была опубликована в виде книги, давно оцифрована и доступна в сети. Она проливает свет на характер погребальной архитектуры в исламе с акцентом на особенности женского патронажа в XIV-XV вв.

Иную специфику имеет изданная еще 12 лет спустя роскошная книга французских специа-

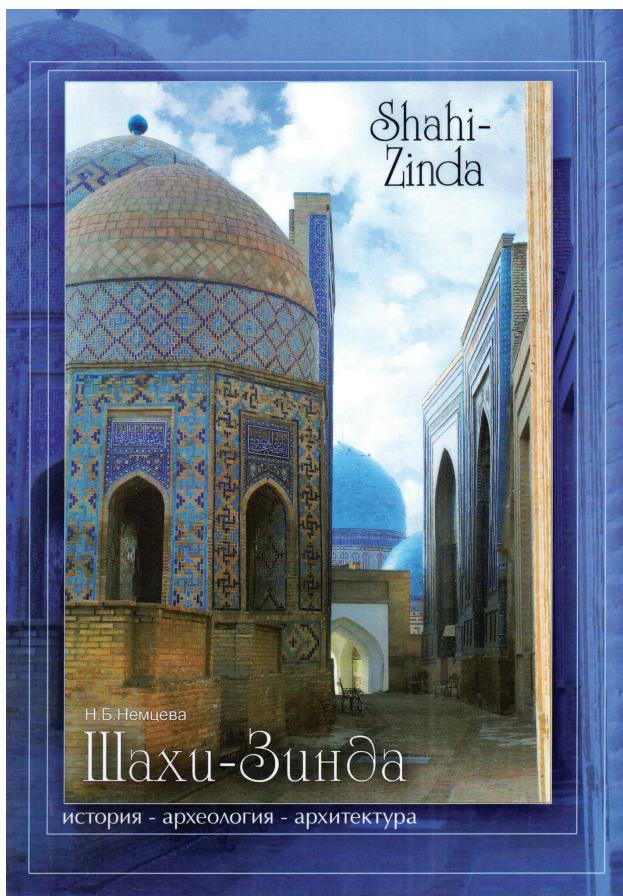
листов по восточному и исламскому искусству «Гробницы рая: Шахи-Зинда в Самарканде и архитектурная керамика Центральной Азии» (*Soustiel, Porter, Lesieur* 2003). Как видно уже из названия, Жан Сустель и Ив Портер посвятили свой труд сугубо художественным аспектам декора фасадов и интерьеров комплекса, детально представленных великолепными фотографиями Антуана Лезье. И снова через 12 лет (какая поразительная периодичность!) вышла монументальная книга-альбом «Шахи-Зинда» в многотомной серии «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» (*Бабаджанов, Рахимов* 2015)². В итоге, с учетом красочного фотоальбома с научно-популярным текстом (*Немцева* 1987), мы имеем на сегодня семь книг об одном объекте, точнее – о маленьком конгломерате объектов классической исламской архитектуры. Ни один комплекс памятников во всем центральноазиатском регионе и сопредельных странах не удостоивался такого интереса и не получил такой богатой литературы. Что уж говорить о том, что ему посвящены еще десятки научных статей разных авторов на разных языках и мало какая обзорная книга, учебник или альбом по искусству и архитектуре ислама, где бы они не издавались, обходятся без описаний, упоминаний и фотографий Шахи-Зинды.

Наиболее удобный для пользования англоязычный каталог всех объектов этого комплекса представлен в двухтомнике Лизы Голомбек и Дональда Уилбера, основанный на анализе многочисленных русских источников, в том числе и работ Н.Б. Немцевой (*Golombek, Wilber* 1988: I – 233-252, II – pl. I-IV, 17-59, fig. 14-23). Помимо нескольких переизданий на русском, узбекском и английском языках краткого архитектурного путеводителя, который она подготовила совместно с Ю.З. Шваб, имеется немало других русскоязычных текстов о Шахи-Зинде (*Засыткин* 1948: 78-88; *Пугаченкова* 1968: 31-60; 1983: 167-189, 387-390; *Стародуб-Еникеева* 2004: 332-345 и др.), которые отражают разные этапы изученности этого комплекса.

За 55 лет – от первой публикации результатов раскопок под руководством Н.Б. Немцевой в «западном коридоре» Шахи-Зинды до появления

¹ Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда: история – археология – архитектура. XI-XXI вв. Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Самарканд, МИЦАИ, 2019. 310 с.

² Этот труд фактически перекрывает статью В.А. Шишкина «Надписи в ансамбле Шахи-Зинда», опубликованную посмертно в упомянутом сборнике «Зодчество Узбекистана» (*Захидов* 1970) и перепечатанную в качестве приложения к новой книге Н.Б. Немцевой. Хотя Б.Бабаджанов и К.Рахимов использовали чтения В.А. Шишкина, осуществленные с помощью А.Носирова, они отмечают, что его чтения неполные, о чем он сам предупредил в своей статье, и в некоторых из них встречаются пропуски и ошибки, которые теперь исправлены (*Бабаджанов, Рахимов* 2015: 19).

который был накоплен автором за последующие 40 лет, но концептуально выстроена иначе. В ней Шахи-Зинда впервые предстает как сложное многогранное явление в средневековой культуре Центральной Азии, показанной на фоне истории региона, политических и социально-экономических перемен. Как отмечает в своем вступительном слове ответственный редактор монографии академик Э.В. Ртвеладзе, «третья книга Н.Б. Немцевой отличается от предыдущих более широким взглядом. В ней анализируются многие вопросы стратиграфии, исторической топографии и водопользования в юго-восточной части Афрасиаба».

Результатом археолого-архитектурных исследований, проведенных автором, стало воссоздание всеобъемлющей биографии памятника. Н.Б. Немцева внимательно проследила этапы развития конструкций, объемно-пространственных форм, декора, а также многие другие стороны духовной и материальной культуры Мавераннахра и сопредельных исторических областей на протяжении последнего тысячелетия. Она выявила несколько историко-культурных и хронологических этапов функционирования комплекса Шахи-Зинда, главные из которых приходятся на эпоху правления Караханидов (XI-XII вв.) и Тимуридов (XIV-XV вв.), когда Самарканд дважды обретал столичный статус. Это были периоды наиболее активной строительной деятельности в ансамбле, связанные с государственной и социально-экономической стабильностью двух империй.

В «Введении» (с. 8-15) автор дает общую характеристику комплекса, снабженную схематическим планом с указанием всех объектов и развёртками двух сторон «улицы», вдоль которой выстроены мавзолеи. Далее следует статья «Письменные данные и история изучения» (с.15-29), в которой собраны, пожалуй, исчерпывающие сведения об источниках, связанных с этим местом, начиная от вакфа XI в., о чем будет сказано ниже. Отмечены все выявленные упоминания машада Кусамы и Шахи-Зинды в исторических документах; прослежена хронология описаний и исследований ансамбля, а также реставрационных работ – начиная с середины XIX в. до радикального благоустройства в 2005-2007 гг.

Следующие вводные статьи «Стратиграфия и историческая топография юга городища Афрасиаб» (с.29-32) и «Водоснабжение комплекса Шахи-Зинда» (с.32-49) основаны на материалах историко-топографического изучения мемориала и письменных данных, которые не были учтены ранее. Речь, в частности, идет о том фрагменте сообщения Ибн Баттуты, где упоминается канал, протекавший возле машада Кусамы. Его русло

итоговой монографии – из-под её пера вышло 25 научных работ, посвященных разным аспектам изучения только этому комплексу, не говоря уже о докладах на конференциях, научно-популярных статьях и брошюрах. За свою долгую полевую практику она исследовала несколько других важных памятников, ставших объектами её глубокого и комплексного анализа. Это нашло отражение еще в сотне с лишним публикаций, среди которых выделяются две её монографии: «Ханака Сайф ад-дина Бахарзи в Бухаре» (2003) и «Рабат и-Малик» (2009) – обстоятельное исследование степной резиденции Караханидов близ современного города Навои (Мурадов 2015). Фактически своими трудами Н.Б. Немцева укрепила основы архитектурной археологии в Центральной Азии, заложенные её учителями М.Е. Массоном и Г.А. Пугаченковой. Особую роль в её становлении как ученого сыграл Б.Н. Засыпкин (1891-1955), под чьим руководством она приступила к профессиональной работе в начале 1950-х гг.

Но вернемся к новой работе Н.Б. Немцевой. Её не следует воспринимать как расширенное и дополненное переиздание монографии 1979 г. И по структуре, и по содержанию это совершенно новая работа. Разумеется, она вобрала в себя какие-то фрагменты первой книги и тот материал,

выявлено в ходе раскопок 1960-х гг. Как отмечает Н.Б. Немцева, в их с Ю.З. Шваб монографии 1979 г. высказано неверное предположение, что канал в сторону Шахи-Зинды, как и по всему Афрасиабу, перестал действовать после разрушения монголами в XIII в. головного распределителя Джуи-Арзис. Но был ли он разрушен, и если да, то до какой степени? Задаваясь этим вопросом, автор подчеркивает, что подача воды по старому руслу могла быть быстро восстановлена в XIII в., так как другого источника воды там просто не было. Тема водоснабжения Шахи-Зинды на протяжении всего средневековья впервые был затронута автором еще раньше (Немцева 2006), здесь же она обобщила все известные на сегодня данные. Добавим, что вопросы, связанные с водоснабжением плато Афрасиаба, находятся и в поле зрения узбекско-французской археологической экспедиции (MAFOuz-Sogdiane) и до сих пор остаются предметом дискуссий её участников.

Последняя статья вступительной части – «Южные ворота Самарканда в X-XII вв.» (с.49-56) показывает стратиграфическую сложность выяснения топографии этого участка города. Как и в отдельной публикации на эту тему (Немцева 2012) автор подчеркивает, что вопрос о воротах в крепостной стене Афрасиаба на оси ансамбля Шахи-Зинда, которые якобы связывали святыню с рабадом, в начале 1950-х годов даже не ставился. На этом этапе изучения памятника была популярна другая идея. Из одной публикации в другую (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, Б.Н. Засыпкин, В.А. Булатова) как штамп кочевало утверждение, что монголы разрушили крепостную стену и комплекс Шахи-Зинда XI-XII вв. при взятии города. Но приводимое Н.Б. Немцевой свидетельство Ибн Баттуты опровергает это мнение. Только к 1970-м годам после проведенных к тому времени археологических работ выстроилась общая картина этапов сложения комплекса Шахи-Зинда и стратиграфии юга Афрасиаба. Автор показывает несостоятельность современных представлений о существовании неких «Новых» ворот на месте портала XV в. перед входом в Шахи-Зинду и вносит ясность относительно Железных ворот, отождествляемых с Кешскими воротами, которые локализируются в районе нынешней мечети Хазрети-Хызр.

Книга состоит из четырёх глав, каждая из которых посвящена определенным историко-культурным и хронологическим этапам функционирования Шахи-Зинды. Сначала это были периоды наиболее активной строительной деятельности у святыни, связанные с государственной мощью и социально-экономической стабильностью двух крупных империй Центральной Азии. Затем по-

следовал период стагнации и потери интереса к самаркандским святыням, со стороны новых правящих династий, обосновавшихся в Бухаре.

Первая глава (с. 57-154) посвящена наиболее сложному для изучения этапу, который приходится на эпоху правления Караханидов (XI-XII вв.), когда Самарканд стал столицей Западного тюркского каганата и когда, собственно, возникла Шахи-Зинда. Н.Б. Немцева описывает идейный антураж, на фоне которого была создана эта святыня и действует до сих пор не только как сокровищница строительного искусства и художественной культуры Мавераннахра, но и как важный фактор духовной жизни современных мусульман. Самая ранняя архитектурная и идеологическая основа Шахи-Зинды – «машад Кусам» с мнимой могилой шахида (комплекс Кусам ибн Аббаса в северо-восточной части ансамбля) возникла в начале XI в. Появление этой святыни через три с половиной столетия после гибели эпонима вызвано ничем иным как потребностью недавних кочевников – тюрков-Караханидов, которые покорили Мавераннахр, в легитимации своей власти на завоёванных землях. Они достигли цели не только путем принятия ислама, но и приобщения к устойчивой местной традиции языческого происхождения.

Как известно, знаменитые самаркандские топонимы Афрасиаб и Шахи-Зинда – это, прежде всего, два персонажа ирано-тюркской мифологии, связанные с идеей вечной жизни. Афрасиаб – богатырь, прародитель и царь тюркских народов, принёс жертвы богине воды и плодородия Ардвисуре-Анахите, напрасно надеясь, что она одарит его бессмертием (Басилов 1990: 76). Шахи-Зинда, что означает «Живой царь», по местным легендам – это Кусам ибн Аббас, который не погиб во время молитвы от рук язычников, а скрылся, чудесным образом исчезнув через михраб (или скалу), а по другим версиям – взяв в руки свою отрубленную голову, спустился в колодец (пещеру), где и живет до сих пор. Анализируя мифологему «Живой царь» в связи с «машадам Кусам», другие исследователи (Рахимов, Терлецкий 2006) обратили внимание на еще одну известную святыню – Чашма-йи Аййуб в Бухаре. Этот культовый комплекс, развивавшийся с XIV до XVI в., включает мнимую могилу Аййуба – коранического персонажа, пророка, который соответствует библейскому Иову, а также священный колодец-источник (*чашма, булак*) с пресной водой, видимо, родникового происхождения. Считается, что эта вода обладает целебными свойствами (Babajanov, Mutinov, Nekrasova 1998).

Этот пример, почти прямо свидетельствующий о персонификации исцеляющей воды, про-

ливаает определенный свет на высказанную Р.Р. Рахимовым и Н.С. Терлецким гипотезу о происхождении названия комплекса Шахи-Зинда. Проследивая косвенные данные, они обращаются к представлениям жителей Самарканда о подземном сообщении, которое якобы существует между колодцем при небольшой мечети Хазрат Хызр на месте Кешских ворот Афрасиаба, и Шахи-Зиндой. Действительно, Хазрат Хызр (ал-Хадир, ал-Хидр) – персонаж исламской мифологии, связанный с духом вод – источниками глобальной фертильности и очищения, а также с бессмертием (Пиотровский 1988). Вряд ли случайно, полагают исследователи, по соседству с колодцем при Шахи-Зинда была возведена баня, построенная по приказу Тимура для собственной персоны. Возможно, на идею постройки этой бани Тимура навело предание об Александре Македонском, якобы искупавшемся в источнике живой воды и благодаря этому достигшем всемирной славы и величия. В связи с легендой о Кусаме ибн Аббасе, – полагают специалисты, – нельзя полностью сбрасывать со счетов и некоторые представления, в которых Хазрат Хызр иногда предстает подобием «всадника без головы».

Небезынтересно также мнение о том, что Кусам представляет собой синкретическую фигуру, связанную с празднованием Новруза, в образ которой инкорпорированы элементы древних иранских героев, в первую очередь Сиявуша, а также мусульманского Хызра (Ремпель 1972: 43-47). Для уяснения происхождения названия ансамбля Шахи-Зинда следует обратить внимание и на такое явление, как перемифологизация культовых мест, а также вспомнить о том, что в лексике таджиков есть слово *чох*, означающее колодец. На этом основании выдвинута гипотеза, не происходит ли Шахи-Зинда от созвучного названия Чохи-Зинда, т.е. буквально «живой колодец» или «колодец живой воды»? (Рахимов, Терлецкий 2006: 179-180). Конечно, всякая легенда несет в себе следы верований и мифов глубокой древности, поэтому нельзя отмахиваться от них как от чистого фольклора – вдумчивый анализ этих источников может существенно расширить доказательную базу исследователей.

По данным Малой Кандийи, реальная могила Кусаме ибн Аббаса находилась на арабском кладбище VII в. Бану-Нахийя у южных ворот Самарканда (Вяткин 1906: 260-262) и к XI в., видимо, уже не отвечала масштабам сложившегося поминального обряда (*зийарат*) и требованиям времени. Известно, что могилы первых мусульман на раннем этапе ничем не отмечались. В VII в. это мог быть земляной холм с шестом в головах, и чем больше холм стирался, тем большую святость

приобретала могила. «Машад Кусаме» с мнимой могилой важной в истории ислама персоны составлял группу единовременных, конструктивно и функционально взаимосвязанных помещений (гробница Кусаме, включавшая гурхану и зийаратхану, а также мечеть, минарет, чиллахана для сорокадневного уединения-*халва* – главной ипостаси суфизма), детерминированных обрядом поклонения святым местам.

Как показали раскопки, на протяжении XI-XII вв. у святыни возник аристократический некрополь Караханидов с богато декорированными гробницами. Одновременно и в мусульманских странах в связи с распространением суфизма, возрождением культа святых получили распространение сакральные комплексы или отдельные мазары-мавзолеи у «святых могил», в том числе «машадов». Последнему Н.Б. Немцева посвятила не один экзерсис, выясняя его дефиниции в разные эпохи в разных регионах мусульманского мира (Немцева 2008а). Подробному описанию архитектуры «машада Кусаме» она уделила немало внимания как в отдельной статье (Немцева 2008б), так и в рецензируемой монографии. Подробно рассмотрены резные деревянные конструкции XI в. (консоли, фризы), сохранившиеся *in situ*. Тончайшая по узору, виртуозная по исполнению резьба из Шахи-Зинды при всей оригинальности мотивов позволяет говорить о стилистическом родстве резьбы по дереву домонгольского Самарканда с верхнезеравшанским резным деревом (Исфара, Чорку, Обурдон, Урмитан), и ее образцы не выходят за рамки Центрального Мавераннахра.

Большое внимание в книге уделено мавзолею «царевича Кусаме», пережившего два строительных периода в XI и XIV вв. Дается общая оценка композиции, типологии, стиля «машада Кусаме». Трудно не согласиться с мнением, что это «один из самых сложных, многослойных и запутанных архитектурных комплексов Средней Азии, и немудрено, что в его истории и устройстве есть еще много нерешенных проблем» (Хмельницкий 1996: 165). Между тем, ключ к ним дает Н.Б. Немцева и будущие исследователи найдут его при внимательном чтении этой монографии.

Вскрытые раскопками остатки стен и коллекция архитектурного декора XI-XII вв. из комплекса Шахи-Зинда позволили автору сформулировать свои суждения об архитектуре домонгольского Самарканда, определить специфику и локальные особенности в русле общего развития архитектуры Мавераннахра той эпохи. Крупные детали облицовки и целые блоки декора из резной неполивной терракоты по формам (плоские, выгнутые, овальные, подтреугольные) и анало-

гам позволяют представить внешний облик зданий исчезнувшего комплекса караханидской Шахи-Зинды. Последним из раскопанных мавзолеев той поры стали обнаруженные в 2004 г. руины мавзолея, который Н.Б. Немцева отождествляет с гробницей Лачин-бека, упомянутой в вакфе XIII в. Необычной чертой этой постройки являются выступающие в интерьер антовые стены узкого вестибюля. После того, как династия Караханидов сошла с политической арены в начале XIII в., их некрополь начал разрушаться, а при возведении новых гробниц во времена Тимура и Тимуридов был разобран и застроен мавзолеями XIV-XV вв.

Одним из наиболее дискуссионных итогов археологических исследований в Шахи-Зинда явилось открытие стен и фундаментов караханидского времени на западной стороне верхней группы ансамбля. Н.Б. Немцева уверенно связывает их с остатками ханифитского медресе, которое в 1066 г. распорядился построить у «машада Кусама» второй верховный правитель из династии великих каганов Западного Караханидского каганата Ибрахим ибн Наср Тамгач Бугра-хан. Оно же отождествляется с медресе Кусамийа, которое упоминает в конце XII в. хорезмийский автор Насир ибн Абдусейид (*Волин* 1940: 69-70). Речь идет об участке за частично сохранившемся порталом мавзолея «Безымянный-2» (1390-е гг.), ныне полностью реконструированного, а также примыкающими к нему с запада крестовидным склепом XV в. и группой объектов с севера. Это склеп XVI в., склеп от мавзолея XVI-XVII вв., мавзолей амира Бурундука (1390-е гг.) и, частично, мечеть Туман-ака (1405-06 гг.).

Свою аргументацию автор раскопок излагала в трех ранних публикациях (*Немцева* 1970; 1974; *Немцева, Шваб* 1979), которые вызвали инвективы С.Г. Хмельницкого. Он не принял представленные доказательства и отрицал принадлежность раскопанных руин XI в. зданию медресе Тамгач Бугра-хана, известному по письменным источникам, полагая, что вскрытые строительные остатки не могли принадлежать цельному единовременному зданию и представляют собой следы различных построек домонгольского времени (*Хмельницкий* 1993). Между двумя учеными последовала публичная полемика (*Немцева* 1996; *Хмельницкий* 1999). Историк-арабист О.Г. Большаков первоначально локализовал медресе Бугра-хана около ворот ан-Наубахар, которые, по его мнению, назывались также «Железными» и находились в западной части городища Афрасиаб (*Большаков* 1971: 172, прим. 13; 174; 1973: 221, 225, 229). Эту же точку зрения разделял и С.Г. Хмельницкий. Но другие исследователи доказали, что

это медресе находилось в южной части Афрасиаба, около Кешских/Железных ворот (*Немцева* 1974: 127-130; *Буряков, Таишходжаев* 1975: 16, прим. 28; *Шишкина* 1975: 23, 25-26, 40-41; *Давидович* 1978: 114).

Очевидно, окончательную ясность могли бы внести дальнейшие раскопки участка, примыкающего с западной стороны к указанной группе мавзолеев Шахи-Зины и ныне частично занятого поздним кладбищем, но это едва ли осуществимо в обозримой перспективе. Наконец, дошедший до нас вакф XI в. на медресе Тамгач Бугра-хана свидетельствует о важной роли машада Кусама в идеологии и политике Караханидов. Хотя оригинальный текст и перевод этого важнейшего и редкого письменного памятника тысячелетней давности не раз публиковался³, серьезные попытки соотнести его данные с материалами раскопок в комплексе Шахи-Зинда до сих пор не предпринимались. Н.Б. Немцева стала первой, кто это сделал достаточно убедительно.

Большинство среднеазиатских и иранских медресе относится к типу зданий дворово-айванной планировочной композиции, чей генезис проследивается как минимум с парфянского периода. В средние века эта композиция обогатилась периметральной застройкой и угловыми помещениями (аудитории, мечеть), стала универсальной для сооружений разных функций. Медресе Кусамийа XI в. явилось, по мнению Н.Б. Немцевой, типологической основой в развитии медресе Мавраннахра XIV-XVII вв. Архитектурный тип синхронных медресе Среднего и Ближнего Востока (в Харгирде, Рее, Багдаде) складывался по другим канонам.

В 1220-е годы вся власть в регионе перешла к монголам-шаманистам. Наступила более чем столетняя пауза в застройке Шахи-Зинды, вызванная утратой, в некоторой степени, государственного статуса ислама. Но и в это время мусульманская святыня оставалась важным религиозно-культурным центром. По свидетельству Ибн Баттуты, загородную на данном этапе святыню регулярно посещали не только самаркандцы: к ней приходили и монголы с дорогими жертвоприношениями.

Вторая глава (с.155-223) описывает основную часть ансамбля Шахи-Зинды, возникшую при Тимуре и строившуюся с 1370-х гг. до первых лет XV в. Но этому блестящему периоду предшествует возведение двух более ранних мавзолеев – Ходжа Ахмада (1340-е гг.) и анонимного женского мавзолея 1360/61 г., который предания приписывают одной из жен Тимура – Кутлуг-ака.

³ Наиболее адекватный оригиналу и тщательно выверенный русский перевод: (*Камолиддин* и др. 2012).

Всего при жизни великого завоевателя было возведено восемь наиболее сохранившихся и целый ряд исчезнувших мавзолеев, выявленных в ходе раскопок. В основном это небольшие однокамерные гробницы, не подавляющие массой или огромными масштабами, как другие памятники тимуридского Самарканда. Напротив, слагаемые ансамбля XIV в. камерны и изящны. Их эффект, как отмечает автор, в гармонии и соразмерности масштабов, сплошной полихромной палитре фасадов, составляющих панораму ансамбля.

Здесь нельзя не сказать о том, какое большое социальное значение придавали Тимуриды культуре святых. Традиция поклонения семье и сподвижникам пророка Мухаммеда, а также великим шейхам суфизма «соединяла в себе интересы всех слоев населения и носила экуменический характер. Она утверждала общность героев сакральной мусульманской антропологии, объединяя интересы и суннитов, и шиитов, а также суфиев и сект практически всех направлений» (Додхудоева 2008: 37). Тимур и его потомки нуждались в символах, способных консолидировать подчиненные общества, поэтому осуществили масштабное коммеморативное строительство на таких старых святынях как Шахи-Зинда, Ходжа Ахмед Ясави в городе Ясы (сов. г. Туркестан), Абдуллах Ансари в Газургахе близ Герата, Хазрат Али (Голубая мечеть) в Мазари-Шарифе, Имам Реза в Мешхеде и многие другие.

Третья глава (с.224-257) посвящена Шахи-Зинде при Улугбеке, правившем в 1409-1449 гг. В тот период в ансамбле появилась «нижняя группа» строений по внешнему склону городища Афрасиаб, с входным порталом, дарвазаханой, мечтью и баней для зимних омовений, раскопанной в 2004 г. (Насреддинов 2006). Эта реконструкция Шахи-Зинды была частью государственной программы Улугбека, связанной с возведением обсерватории на возвышенности Кухак северо-восточнее Афрасиаба. Впервые в Шахи-Зинде появились два входа – для простых паломников действовал старый западный, из тимуридского Самарканда через бывшие Кешские (Железные) ворота, и южный – с монументальным порталом 1434/35 г. – со стороны загородной дороги, ведущей к обсерватории, для торжественного зийарата правителя со свитой к «машаду Кусамы».

Существующий ансамбль XIV-XV вв. вошел во многие издания как шедевр средневековой архитектуры Средней Азии и представляет собой важную страницу в истории культуры и строительного искусства Самарканда и Мавераннахра в целом. Высочайший заказ определил столь же высокий архитектурно-художественный образ царских гробниц Шахи-Зинды. К строительству

мавзолеев ансамбля были привлечены лучшие местные и иноземные мастера, которых Тимур свозил из завоеванных стран. Имена некоторых из них запечатлены на главных фасадах, включены в сложные орнаментальные переплетения, но большая часть огромной армии инженеров, архитекторов, эпитафистов и дизайнеров, создавших этот шедевр, осталась анонимной.

«Шахи-Зинда XIV-XV вв. – пишет Н.Б. Немцева, – своего рода живая энциклопедия, в которой в последовательном развитии представлена монументальная архитектура не только Самарканда, но фактически всего Центрального Мавераннахра, где самаркандская школа зодчих задавала тон. Второго такого огромного по масштабам и историко-культурной значимости памятника зодчества, раскрывающего строительное дело, эстетические приоритеты, традиции и новации в культуре региона на протяжении веков в Средней Азии нет». Она подчеркивает, что главное достоинство ансамбля в его художественном облике, в необыкновенном разнообразии декоративно-облицовочных приёмов, узоропостроений растительного, геометрического и эпитафического характера.

В Шахи-Зинде на коротком промежутке времени менялся, трансформировался и комбинировался разный облицовочный материал. В мавзолеях XIV-XV вв. представлены все известные виды расписных майолик, резная поливная терракота, наборная кашинная и кирпичная мозаика, многоцветные росписи по ганчу с большим количеством позолоты, ганчевые и керамические сталактиты, драпирующие инженерные, переходные к куполу конструкции, решетки-панджара с ажурным узором и цветными стеклянными вставками. Все это придает необыкновенное очарование тимуридскому ансамблю. Наконец, за Шахи-Зиндой, как считают эксперты, остается пальма первенства среди всех сохранившихся ансамблей исламского мира по богатству и разнообразию монументальной каллиграфии. Здесь мы видим около десятка разных видов почерков. А если учесть их индивидуальные вариации, в которых очевиден синтез разнообразных стилей, то их число намного возрастает (Бабаджанов, Рахимов 2015: 536).

На протяжении всего одного столетия – с середины XIV до середины XV в. – Шахи-Зинда наглядно демонстрирует эволюцию конструктивно-архитектурного строя однокамерной гробницы. Если у ранних мавзолеев XIV в. приземистые пропорции, однослойные купола, небольшие фундаменты, отсутствие цоколя и конструктивной связи наземной части и склепа, то на рубеже XIV-XV вв. появились уже иные вертикаль-

ные габариты. Усыпальницы вытянулись за счет двойных куполов, установленных на граненый или цилиндрический барабан. Особенно выразительно этот конструктивный прием представлен в мавзолеях Туман-ака в северной части Шахи-Зинды и гробнице «Матери султана» в южной части, где мощные ребра жесткости, держащие скуфью шлемовидных куполов, скрыты высокими барабанами. Такой приём увеличил высоту мавзолеев XV в. по сравнению с гробницами XIV в. примерно в три раза – с 8 до 24 м.

Менялся и характер склепов – а стало быть, и заупокойный культ в придворной среде. В ранних склепах XIV в. совершались погребения на полу, после чего входной дромос замуровывался. В склепах рубежа XIV-XV вв. и, особенно в XV в. погребения совершались под полом в грунтовых могилах (мавзолей «Матери султана», склеп XV в. за «Безымянным-2»). Более того, склеп стал доступным для повторных визитов. Этот принцип совмещения погребального и поминального обрядов показывают и склепы других мавзолеев Самарканда XV в., где кроме дромоса для погребения существуют отдельные ступенчатые спуски в подземную гурхану (Гур-Эмир, Ак-сарай, Биби-ханым, Ишрат-хана) для последующих посещений.

В последней, четвертой главе «Шахи-Зинда в XVI-XIX вв.» (с.258-275) описывается жизнь мемориала после распада государства Тимуридов. В ней речь идет о так называемых дахмах – новом типе погребальных сооружений, уже ничем не напоминающих портално-купольные шедевры ушедшей эпохи. Появились суровые деревянные «саркофаги» – простые срубы на коротких ножках, а также мраморные надгробные блоки, сплошь покрытые резьбой с эпиграфикой в орнаментальных рамах. Собственно строительная деятельность велась только в «нижнем дворике», где в начале XIX в. справа от дарвазаханы эпохи Улутбека появилось провинциального типа маленькое медресе Давлета Кушбеги, а слева в начале XX в. – летняя мечеть в виде айвана на деревянных колоннах с расписными потолком, фризами и резным ганчем на стенах.

За время своего существования ансамбль Шахи-Зинды многократно перестраивался, но первоначальная общая планировочная композиция, основанная на градостроительной сети юга Самарканда (канал, перпендикулярная каналу улица) оставалась неизменной. Последняя реконструкция комплекса произошла уже на наших глазах и несколько изменила привычную, просуществовавшую много сотен лет структуру ансамбля в виде узкого коридора вдоль улицы-дороги IX-X вв., сделав её более удобной для потоков современных туристов, но и уничтожив, вместе с отдельными остатками караханидских стен, неуловимую ауру подлинности. В свое время Н.Б. Немцева высказала немало критики по поводу практической реконструкции ряда объектов Шахи-Зинды, осуществленной в 2004-2007 гг., но одинокий голос ученого никак не мог повлиять на результат, который мы теперь имеем. Как это ни прискорбно, новоделы фактически поглотили собой многие средневековые руины, сделали проблемной аутентичность ряда участков глазурованных облицовок. Всё это находится в остром противоречии с принципами реставрации, провозглашенными Венецианской хартией. Однако, на уровне национального законодательства в том, что касается охраны исторических памятников, никакого противоречия нет. Более того, избыточная реконструкция Шахи-Зинды вовсе не вызывает осуждения в местном социуме, а напротив, воспринимается как проявление заботы и внимания современного государства к живой святыне.

Слегка перефразируя одну сентенцию Мирчи Элиаде, скажем так: историк архитектуры привык находить свои проблемы, а также и средства к их разрешению, не в текстах предшественников и коллег, а в самих объектах исследований. Чем сложнее эти объекты, тем интереснее разобраться с ними. Эти слова хорошо описывают метод работы Нины Борисовны Немцевой, которая представила профессиональным исследователям не только первоисточники, впервые введенные ею в научный оборот, но и целый ряд своих комментариев, чтобы привлечь их внимание и побудить к дальнейшему поискам.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
СПИСОК**

- Бабаджанов, Рахимов* 2015 – *Бабаджанов Б., Рахимов К.* (ред.) Архитектурная эпиграфика Узбекистана. Самарканд. Шахи-Зинда. Книга-альбом. Ташкент: Uzbekistan Today, 2015.
- Басилов* 1990 – *Басилов В.Н.* Афрасиаб // Мифологический словарь. М.: СЭ, 1990. С.76.
- Беленицкий, Бентович, Большаков* 1973 – *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Наука, 1975.
- Буряков, Таишходжаев* 1975 – *Буряков Ю.Ф., Таишходжаев Ш.С.* Историческая топография Самарканда XI-начала XIII в. // Афрасиаб, вып. IV. Ташкент: Фан, 1975. С. 6-22.
- Волин* 1940 – *Волин С.Л.* Древнейшее известие о Шах-и-Зинде // Известия Узбекского филиала АН СССР. 1940. № 11. С. 69-70;
- Вяткин* 1906 – *Малая Кандийа.* Перевод В.Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VIII. Самарканд, 1906.
- Давидович* 1978 – *Давидович Е.А.* Дискуссионные вопросы в книге А.М.Беленицкого, И.Б.Бен-тович, О.Г.Большакова «Средневековый город Средней Азии» // Древность и средневековье народов Средней Азии. М.: Наука, 1978. С.103-116.
- Додхудоева* 2008 – *Додхудоева Лола Н.* Культ святых при Тимуридах: социально-политический аспект // КУ 2004-2006. СПб.: Филфак СПбГУ, 2008. С. 32-39.
- Засыпкин* 1948 – *Засыпкин Б.Н.* Архитектура Средней Азии. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948.
- Камолитдин и др.* 2012 – *Камолитдин Ш., Махмудова М., Мусаметов Б.* Два вакфа Тамгач Бугра-хана в Самарканде. Вакфные документы XI века. Текст. Перевод. Комментарии. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishin, 2012.
- Моццати* 2012 – *Моццати Л.* Исламское искусство. Пер. с итал. М.: АРТ-РОДНИК, 2012.
- Мурадов* 2015 – *Мурадов Р.Г.* Первая монография о степной резиденции Караханидов // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия, т. III (XX-VIII). СПб.: Контраст, 2015. С. 1085-1093.
- Насреддинов* 2006 – *Насреддинов Ш.Н.* Баня XV в. у ансамбля Шахи-Зинда // Археологические исследования в Узбекистане 2004–2005 гг. Ташкент.
- Немцева* 1970 – *Немцева Н.Б.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI-XII вв. (по археологическим материалам) // Зодчество Узбекистана. В. 2, Ташкент.
- Немцева* 1974 – *Немцева Н.Б.* Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент: Фан, 1974. С.99-144.
- Немцева* 1996 – *Немцева Н.Б.* Еще раз о медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // ОНУ. 1996, № 4-5. С.89-98.
- Немцева* 2006 – *Немцева Н.Б.* К вопросу о водоснабжении юга Афрасиаба (по материалам Шахи-Зинды) // ИМКУ, вып. 35. Ташкент: Фан, 2006. С.289-93 .
- Немцева* 2008а – *Немцева Н.Б.* Машады в современном мире (историческая ретроспектива) // ИМКУ, вып. 36. Ташкент: Фан, 2008. С. 157-170.
- Немцева* 2008б – *Немцева Н.Б.* Машад Кусамы в Самарканде: историческая ретроспектива // КЦ 2004-2006. СПб.: Филфак СПбГУ, 2008. С.40-51.
- Немцева* 2012 – *Немцева Н.Б.* Южные ворота Самарканда // ИМКУ, вып. 37. Самарканд. С. 157-163.
- Немцева, Шваб* 1979 – *Немцева Н.Б., Шваб Ю.З.* Ансамбль Шах-и Зинда. Историко-архитектурный очерк. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1979.
- Пиотровский* 1988 – *Пиотровский М.Б.* Хадир // Мифы народов мира, т.2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 576.
- Пугаченкова* 1968 – *Пугаченкова Г.А.* Самарканд, Бухара. Изд. 2-е., доп. М.: Искусство, 1968.
- Пугаченкова* 1976 – *Пугаченкова Г.А.* Зодчество Центральной Азии, XV в. Ташкент.
- Пугаченкова* 1983 – *Пугаченкова Г.А.* Средняя Азия. Справочник-путеводитель. М.- Лейпциг: Искусство, 1983.
- Рахимов, Терлецкий* 2006 – *Рахимов Р.Р., Терлецкий Н.С.* «Живые» родники и колодцы Центральной Азии // Радловские чтения 2006. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 176-183.
- Ремпель* 1972 – *Ремпель Л.И.* Об отражении образов согдийского искусства в исламе (К вопросу о культурах Шахи-Зинда, Хазрет-Хызра и Ходжа-Данияра в Самарканде) // Из истории искусства великого города. Ташкент, Изд-во им. Гафура Гуляма, 1972. С. 36-52.
- Стародуб-Еникеева* 2004 – *Стародуб-Еникеева Т.Х.* Сокровища исламской архитектуры. М.: Белый город, 2004.
- Хмельницкий* 1993 – *Хмельницкий С.* К вопросу о медресе XI века в ансамбле Шахи Зинда // ОНУ. 1993, № 11-12. С.41-47.
- Хмельницкий* 1996 – *Хмельницкий С.* Между Саманидами и монголами. Часть I. Берлин – Рига: Gatatum, 1996.
- Хмельницкий* 1998 – *Хмельницкий С.* Сомнения остаются (по поводу медресе 11 в. в Шахи

- Зинде) // ИМКУ, вып. 29. Самарканд: 1998. С.153-156.
- Шишкина 1975 – Шишкина Г.В.* Бухарские ворота средневекового Самарканда // Афрасиаб, вып. IV. Ташкент: Фан, 1975. С. 23-41.
- Babajanov, Muminov, Nekrasova 1998 – Babajanov B., Muminov A., Nekrasova E.* Le mausolée de Chashma-Ayyub à Boukhara et son prophète // Cahiers d'Asie centrale No 5-6. Tachkent – Aix-en-Provence, 1998, pp. 63-94.
- Chmelinzkij 2000 – Chmelinzkij S.* Architectur // Islam. Kunst und Architectur. Köln: Könemann, 2000. S. 416-425.
- Golombek, Wilber 1988 – Golombek L., Wilber D.* The Islamic architecture of Iran and Turan in the Timurid Period. Vol.I – II. Princeton – New Jersey: Princeton University Press, 1988.
- Marefat 1991 – Marefat R.* Beyond the Architecture of Death: The Shrine of the Shah-i Zinda in Samarqand. Cambridge, MA: Harvard University, 1991.
- Soustiel, Lesieur 2003 – Soustiel J., Lesieur A.* Tombs of Paradise: The Shah-e Zende in Samarkand and architectural ceramics of Central Asia. Preface: M.Bernus-Taylor. Saint-Rémy-en-l'Eau, Éditions Monelle Hayot, 2003.